

Цин И вернулся в Павильон Чистого Душистого Трутника, едва сдерживая kloкочущую ярость. Развеялся, называется! Вместо покоя принёс ворох обид и унижений. Он схватил со стола чашку с остывшим чаем и осушил её одним махом.

Сказать, что ему всё равно, было бы ложью. Брошенное принцессой-консорт Чжао словосочетание «муж-наложник» застряло в горле гнусной мухой. Чтобы его, взрослого мужчину, величали чьей-то женой, точно бабу? С этим надругательством над собственным достоинством Цин И смириться не мог.

Словно подтверждался старый закон: меж мужчинами лада не бывает. И всё же... Цюй Луньцзюнь...

Цин И взял со стола черную яшму, вертя её в пальцах. Голова шла кругом.

«Лучше отступить, — тяжело вздохнул он. — Всё-таки у него есть семья. Как ни крути, эта женщина — его законная супруга, взятая в дом по всем правилам, с чинным сватовством. И неважно, любит ли её принц, неважно, кто появился в его жизни первым — теперь я выгляжу обыкновенным разлучником»

«Тьфу, какая глупость! — оборвал он собственные размышления, устыдившись таких сравнений. — Зачем самому себя смешивать с грязью?»

«В любви должно быть только двое. Любовных треугольников я натерпелся ещё в прошлой жизни, хватит с меня»

Убеждая себя опустить руки, он в то же время медлил. Цюй Луньцзюнь... этот человек умел быть до боли нежным. И как теперь поступить?

Цюй Луньцзюнь вернулся в Поместье принца Чжао лишь после ужина. Едва он переступил порог, как Дядя Ци поведал ему о дневной стычке на Помосте Наблюдения за Источником.

Терем Сияющего Счастья

Звонкая пощёчина эхом разнеслась по покою. Принцесса-консорт Чжао, охнув, схватилась за пылающую щеку и повалилась на пол.

— Госпожа! — вскрикнула испуганная Сян Цяо, падая на колени и загораживая хозяйку собой.
— Пощадите её, Ваше Высочество! Смилуйтесь!

— Прочь! — Цюй Луньцзюнь безжалостно оттолкнул служанку ногой. Он стоял над распростертой супругой, и он посмотрел на неё так ледяно и пронзительно, что она содрогнулась от подкатившего ужаса. — Я предупреждал тебя! Кто ты в этом доме, а кто он? Дерзости тебе не занимать, если мои слова для тебя — пустой звук!

— Пощадите, Ваше Высочество... — лепетала принцесса, дрожа всем телом.

— Молю, пощадите госпожу! — Сян Цяо отчаянно билась лбом о доски пола.

— Полно. На первый раз прощаю. Но если ещё раз посмеешь нарушить заведённый порядок — пеняй на себя. Пощады не будет!

— Слушаюсь...

Цюй Луныцзюнь гневно взмахнул широким рукавом и стремительно покинул терем.

Едва шаги принца затихли, Сян Цяо бросилась к хозяйке, помогая ей подняться. На глазах служанки блеснули слёзы.

Она была бледна как полотно и мелко дрожала. Она с такой силой вцепилась в шелковый полог, что ткань затрещала. Она исказила лицо от лютой злобы. Спустя бесконечно долгую минуту из её горла вырвался хриплый, полный яда клекот:

— Чтоб он сдох... Я хочу, чтобы он сдох!

С резким треском она разорвала драгоценный шёлк надвое.

Павильон Чистого Душистого Трутника

Выйдя из Терема Сияющего Счастья, Цюй Луныцзюнь напрямик направился в Павильон Чистого Душистого Трутника. У дверей слуга Мань Юэ, увидев принца, поспешил было доложить о визитере.

— Не нужно, — остановил его принц. — Твой учитель уже лёг?

— Нет ещё, Ваше Высочество.

— Хорошо. Иди.

— Слушаюсь.

Цин И давно расслышал их приглушённые голоса, а затем и скрип открывающейся двери. Однако он даже бровью не повёл — продолжал усердно строчить в тетради, делая вид, будто полностью поглощён записями.

Войдя, Цюй Луныцзюнь застал его за столом при свете двух светильников. Цин И быстро писал, время от времени листая лежавший рядом трактат, упрямо не поднимая глаз. Принц тихо вздохнул, устроился на стоявшем поодаль красном стуле и, потянувшись к одной из медицинских книг, принялся неторопливо переворачивать страницы. В комнате воцарилось молчание. Каждый делал вид, что увлечён чтением, но мысли обоих были заняты совсем иным.

Наконец, когда эта затянувшаяся тишина стала совсем невыносимой, Цин И отложил кисть и потёр виски.

— Послушай... Ты долго собираешься тут сидеть?

Цюй Луныцзюнь спокойно перевернул страницу, проигнорировав вопрос.

Цин И гневно взглянул на него и резко поднялся:

— Ладно, я спать.

Когда он проходил мимо, принц негромко обронил:

— Ты сердишься?

Цин И резко замер на месте, даже не обернувшись:

— О чём ты?

Цюй Луныцзюнь закрыл книгу, неспешно подошёл к нему со спины и мягко произнёс:

— Значит, всё-таки принимаешь близко к сердцу.

— Вот ещё! Вовсе нет!

— Цин И...

«Он впервые назвал меня по имени...»

В груди точно сорвался камень, растревожив дремавшие чувства, но Цин И вовремя одёрнул себя:

«Не время раскисать!»

Повернувшись, он прямо посмотрел в глаза мужчины.

— И что дальше? Хочешь объясниться за то, что устроила твоя супруга на Помосте Наблюдения за Источником? Ваше Высочество, уверяю, мне дела нет до её слов. И пожалуйста, избавь меня от этих нежностей. Я тебе не девица, чтобы меня ублажать речами.

Цюй Луньцзюнь опустил взгляд и тихо усмехнулся. С этим упрямцем никогда не было просто.

— Сегодня полнолуние.

— И что с того?

— Пойдём на Помост Наблюдения за Источником. Полюбуйтесь луной вместе. Как тебе затея?

Помост Наблюдения за Источником

Прохладный ночной ветер принёс едва уловимый, сладковатый аромат цветущего османтуса. Цин И сидел на краю ограждения Помоста Наблюдения за Источником, прислонившись спиной к резной колонне. Ночь выдалась на редкость ясной: высоко в небе царила круглая, сияющая луна, на серебряном диске которой отчетливо проступали темные пятна. Вся терраса утопала в призрачном, молочном свете. Пейзаж завораживал, даруя душе редкое умиротворение.

«И зачем только я согласился? — Цин И мысленно отвесил себе подзатыльник. — Да еще и на совместное созерцание!»

Он искоса взглянул на Цюй Луньцзюня, который неторопливо потягивал вино за каменным столом, и тихо вздохнул.

— Что такое? — заметил его взгляд принц.

— Да так, ничего... — Цин И опустил голову, разглядывая рябь на воде, в которой дрожали серебряные блики. — Скажи... я давно хотел спросить...

— М-м?

— Каким он был? Е Юань.

Принц горько усмехнулся, пригубив вино:

— Перед моими глазами сейчас точная копия Е Юаня. Тебе не кажется, что ты спрашиваешь о

самом себе?

— Не кажется. Я ведь не перед зеркалом стою. Ладно, забудь. Всё равно от этих разговоров мало толку.

— И всё же, почему ты заговорил об этом?

— Просто... стало любопытно.

«До сих пор никто в Поместье принца Чжао ни словом не обмолвился о близких прежнего Е Юаня. Если у него остались родители, как они отреагируют, узнав, что их дитя подменил безродный пришелец? Наверняка проклянут вора, забравшего тело их сына. Встречаться с ними лицом к лицу слишком страшно»

— Уже ничего, — тихо проговорил он. — А луна сегодня и правда удивительно круглая.

— Твоя правда.

Вглядываясь в колышущееся отражение ночного светила на водной глади, Цин И после недолгого молчания тихо произнёс:

— После осеннего празднества я уеду в Город Пиньян.

Принц замер с кубком в руке.

— Сяо Яньи перед своим отъездом просил меня вернуться.

— Это его воля? Или твоё собственное решение? — Цюй Луныцзюнь не поднимал глаз от колыхавшейся в чаше влаги, и голос его заметно упал.

— Моё тоже. Знаешь, ты ведь прав: дневной разговор меня задел. Поначалу, когда я только очнулся в чужом теле, я ничего не умел и ни на что не годился — тогда бездействие ещё можно было оправдать. Но теперь, когда у меня есть шанс проявить себя, найти своё место в жизни, оставаться здесь было бы трусостью. Да, в Поместье принца Чжао сытно и безопасно, можно ни о чём не заботиться и просто плыть по течению. Но я так жить не могу.

— Цин И...

— Знаешь, мне порой чудится, будто ты по-настоящему дорожишь мной. Но я никак не пойму: это из-за лица, которое я ношу, или тебе дорог я сам?

— Нет, вовсе не в лице дело! — Цюй Луныцзюнь порывисто поднялся, шагнул к нему и крепко сжал его ладони в своих.

— Погоди, дай мне договорить. Прости, ночь сегодня располагает к откровениям, вот меня и потянуло на излияния. Боюсь, другого такого случая не представится, да и смелости не хватит. Знаю, звучит глупо, но выслушай меня до конца, ладно?

— Говори, я слушаю, — отозвался принц и присел на ограждение рядом, не выпуская его ладоней.

— Спасибо, — Цин И грустно улыбнулся, глядя на их переплетённые пальцы. — На самом деле я ужасно ревную тебя к Е Юаню. И если твоя нежность вызвана лишь сходством с ним, мне будет только больнее. Даже самые стойкие из нас порой ломаются. Я глубоко ценю твою заботу — особенно учитывая то, в каком положении я оказался. Но если бы ты полюбил меня самого, а не эту оболочку... я посчитал бы себя самым счастливым человеком на свете.

— Цин И...

— И ты прав: мне безразлично, мужчина передо мной или женщина. Главное — искренность чувств. Если любишь — люби по-настоящему, без утайки. Прости за дерзость, что говорю с тобой без должного почтения.

— Не нужно извиняться. Говори как чувствуешь.

— Так вот, какими бы ни были твои мотивы, я благодарен тебе за всё. Рад, что судьба свела нас. Чувствовать чужую заботу — великое благо. И если бы мы могли остаться вместе... это тоже было бы счастьем.

— Тогда останься! Если ты действительно этого хочешь — не уезжай!

— Увы, не всё так просто.

— Но почему? Зачем тебе бежать отсюда?

— Я не ищу богатства или славы, мне чужды интриги и борьба за власть. Всё, чего я хочу — простая, тихая жизнь. Чтобы рядом был любимый человек, который отвечал бы мне взаимностью. Делить с ним стол и постель, говорить обо всём на свете, встречать невзгоды рука об руку и вместе встретить старость. Вот моя любовь — незамысловатая, но настоящая.

— Я могу дать тебе всё это, — прошептал Цюй Луныцзюнь, нежно коснувшись его щеки ладонью.

— Обещание — слишком тяжёлая ноша, порой за него приходится расплачиваться годами несбывшихся надежд. Ты волен выбрать меня, а можешь остаться с супругой и растить наследников. Но получить и то, и другое у тебя не выйдет.

Едва Цин И договорил, принц окаменел.

Наш герой горько усмехнулся и осторожно высвободил свои ладони.

— Завтра осеннее празднество. Пора отдыхать.

— Может... тебе лучше пропустить этот обряд? — Цюй Луныцзюнь вновь перехватил его руку, не поднимая головы.

— Ну что ты такое говоришь? Я ведь так долго ждал этого дня. Не лишай меня последнего удовольствия перед отъездом. Неужели откажешь мне в такой малости?

— Цин И... — принц запнулся, подбирая слова. — Если бы...

— Хватит на сегодня разговоров. Я действительно устал.

Вдруг Цюй Луныцзюнь резко подался вперёд и крепко прижал Цин И к себе.

— Завтра, во время празднества... что бы ни случилось, не отходи от меня ни на шаг. Обещай.

Уткнувшись подбородком в его плечо, Цин И тихонько рассмеялся:

— Конечно. Обязательно буду рядом.

Объятия мужчины стали ещё крепче, словно он пытался удержать уходящее счастье.

— Доброй ночи...

Прошло немало времени, прежде чем Цюй Луныцзюнь нехотя разжал руки. Цин И отступил на шаг, спрятав взгляд, и зашагал к Павильону Чистого Душистого Трутника. Холодный свет полной луны скользил вслед за ним, отбрасывая на каменные плиты длинную, одинокую тень.